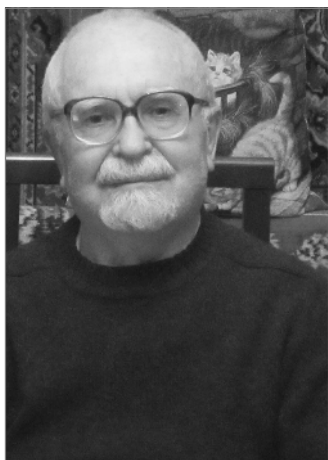


Борис ДРУЯН,
Санкт-Петербург



Читатель наверняка заметил: о чем бы или о ком бы я ни вспоминал, постоянно присутствует, а точнее сказать, активно присутствует, человек, с которым на долгие годы нас связала судьба. Речь идет о Дмитрие Терентьевиче Хренкове, которого многие ласково называли Митей или просто Д. Т.

Этот небольшого роста человек с седой шевелюрой, быстрым пытливym взглядом появился в Лениздате в марте 1965 года. Обком КПСС назначил его нашим Главным редактором. За его плечами была биография военного корреспондента во время советско-финского кровопролитного конфликта и Великой Отечественной – от начала до самого конца. Известно: ордена и медали военкорам легко не доставались. Поразительно, но журналист Хренков во время войны был удостоен высокой награды – ордена Боевого Красного Знамени.

После Победы Д. Т. служил во фронтовой газете «На страже Родины», в газете «Вечерний Ленинград», возглавлял корреспондентский пункт «Литературной газеты», был директором Пушкинского театра.

До его прихода в Лениздат я там работал в отделе художественной литературы уже целых три месяца. Словечко «целых» употребляю с улыбкой. В наших с ним шуточных разговорах я козырял этим трехмесячным стажем: дескать, хоть Вы и Главный, а стаж-то у меня несравненно больше. К тому же по его просьбе я стал редактором его книги «Друзья мои стихи». Работать с ним было легко: мы понимали друг друга с полуслова, он с ходу вникал в замечания и пожелания, легко исправлял, а то и переделывал текст. Сблизила нас и самозабвенная любовь к поэзии. Словом, так случилось, что он, автор, поверил в меня, а это для любого редактора необыкновенное везение. А для любого писателя столь же важен «свой» редактор. По выражению Даниила Гранина, это «особая фигура – редактор-друг. Он в равной степени заинтересован в твоей писательской судьбе и в издательских делах».

На протяжении многих лет, если даже книги Д. Т. выходили в других издательствах, он неизменно советовался со мной. Помнится, я помогал ему своими конкрет-



Д. Т. Хренков. Начало 80-х.

ными соображениями, когда он писал книгу «Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде», написал на рукопись по просьбе издательства внутреннюю рецензию. На титуле этой книги надпись: «Дорогой Боря! Никто пути пройденного у нас не отберет. Н. Асеев и В. Конечкий вкладывали в эти слова иной смысл. Я – прямой. Д. Хренков. 1989 год».

В Лениздат Д. Т. пришел с целью превратить, прямо скажем, заурядное провинциальное издательство в авторитетное, передовое. И это ему удалось в первую очередь благодаря привлечению талантливых авторов. Особое внимание он уделял писателям-фронтовикам. Мы рады были видеть в своей редакции Михаила Дудина, Вадима Шефнера, Сергея Орлова, Александра Гитовича, Федора Абрамова, Виктора Курочкина, Сергея Давыдова, Аркадия

Минчковского и многих других. Объединяло их неразрывное фронтовое братство, относились они друг к другу именно по-братски, уважительно и с доброй улыбкой.

У меня сохранилось шуточное стихотворение Михаила Дудина к пятидесятилетию Дмитрия Терентьевича.

ХРЕНКОНИАДА

*Жизнь извечным законам верна,
И мое откровенье не ново,
Что хреновых людей до хрена
И не всё у Хренкова хреново.*

*Сам себе и главлит и главред,
Наш Хренков не хладет к переменам,
Принимая и правду, и бред,
Как гурман осетрину под хреном.*

*Так и прожил полвека, трудясь
Над чужим и над собственным словом,
Утверждая исконную связь
Совершенного в жизни с хреновым.*

*Был он другом лихих запевал, –
Их судьбы благородной и правой,
И не раз на пирах заивал
Чистый спирт хреноватой приправой.*

*Что поделать?! Не ставлю в вину,
Еще пить не такое придется...
Кто воспитан на русском хрену, –
Без жень-шеня всегда обойдется.*

*Одолеет случайности крен,
Объективен во всем, как историк,
Как моржовый на укусе хрен,
Будь, Хренков, несибаем и стоек!*

18. VIII. 69.



Д. Т. и я, многогрешный. 1981

Все чаще стали приносить свои рукописи в издательство молодые прозаики и поэты. Их встречали доброжелательно. Но при этом подвергали их произведению строгому конкурсному отбору. А вот рукописи слабые, откровенно конъюнктурные решительно отвергались. Писатели с идеологически образцовыми творениями, но не имеющими особой цены в художественном отношении, стали писать гневные обличительные письма в самые высокие инстанции. Да и цензура и идеологи из Смольного постоянно были настороже. Дмитрий Терентьевич едва успевал в высоких кабинетах аргументированно доказывать свою правоту. Не раз я буквально был на грани увольнения за то, что под моей редакцией выходила «идеологически вредная литература». И каждый раз меня спасала принципиальная позиция Главного.

Поражала его обостренное чувство справедливости, внимательность и доброжелательность по отношению к собратьям по перу. Он перенял у него важный принцип – непременно после прочтения талантливой рукописи позвонить автору, сообщить свое впечатление и пригласить для беседы в редакцию.

В 1975 году в Лениздате вышла книга талантливого сатирика Льва Гаврилова «Диалоги» тиражом 15 000 экземпляров. Московская газета «Книжное обозрение» поспешила обнародовать недоброжелательный безкасабельный отклик. Возмущенный Д. Т. позвонил решительно и просто: пригласил Гаврилова к себе в Лениздат, усадил за стол, вручил лист бумаги, авторучку и сказал, чтобы он написал просьбу о переиздании книги. Гаврилов изумился: дескать, как же так, ведь книга-то только что обругана! «Вот поэтому и переиздадим её. А ругань лишь повысит к ней интерес читателей», – спокойно подытожил разговор Дмитрий Терентьевич. Уже в следующем году, минуя необходимые формальности, книга Гаврилова была снова издана тиражом 50 000 экземпляров! Это был неслыханный для издательской практики случай.

А вот что приключилось накануне 1979 года с молодым, но уже широко известным поэтом Виктором Ширали, одним из самых заметных посетителей знаменитого «Сайгона». Его первая книга «Сад» была накануне выпуска. Всё шло хорошо, подписанная корректура благополучно прошла че-

рез цензуру. И тут в Лениздат пришло письмо из Союза писателей СССР, подписанное Олегом Шестинским. Ранее он возглавлял писательскую организацию Ленинграда, но в 1973-м году был смещен на отчетном собрании и переехал в столицу, получив высокую должность Секретаря в СП СССР, а затем награды и звание Лауреата Ленинского Комсомола. По этому поводу Сергей Давыдов выдал прямо-таки снайперское двустишие:

*Стал Секретарь Лауреатом.
Ну, что ж вы, братицы, сразу матом?!*

Шестинского я хорошо знал, еще в 1966 году был редактором его книги «Горница». Поэтом он был неплохим, да и человеком добрым. Но имел существеннейший недостаток: был совершенно обделен чувством юмора, имея при этом гипертрофированное самоуважение.

Так вот, Олег в письме требовал в категорической форме не выпускать книгу стихов Виктора Ширали, поскольку молодой поэт, будучи в Москве, показал себя крайне аморально, соблазнил, а затем бросил какую-то столичную высококравственную девушку. Стоит заметить, что сам Олег был ходоком не из последних.

Дмитрий Терентьевич не особенно жаловал Шестинского, считал, что пустое дело говорить с самовлюбленным гусаксом, не знаящим, что такое обычный юмор. Сам Д. Т. шутку умел ценить. Однажды художники издательства по моей просьбе увеличили с книги фотографию мордатого Олега и вмонтировали в рамку под стекло. А я в отсутствие Д. Т. поставил на стол стул и на гвоздь повесил портрет прямехонько над креслом хозяина кабинета. Ему эта затея очень даже понравилась. Но однажды в Дом Прессы приехал Председатель Комитета по печати СССР Борис Стукалин. Наш Главный в числе начальников встретил у подъезда высокого гостя, но, вспомнив, под чьим изображением в кабинете сидит, мгновенно взлетел на пятый этаж и с большим трудом успел избавиться от злосчастного портрета.

История с книгой Виктора Ширали завершилась самым благополучным образом. «Наплевать и забыть!» – успокоил Д. Т. редактора Нину Чечулину. Вместо официаль-

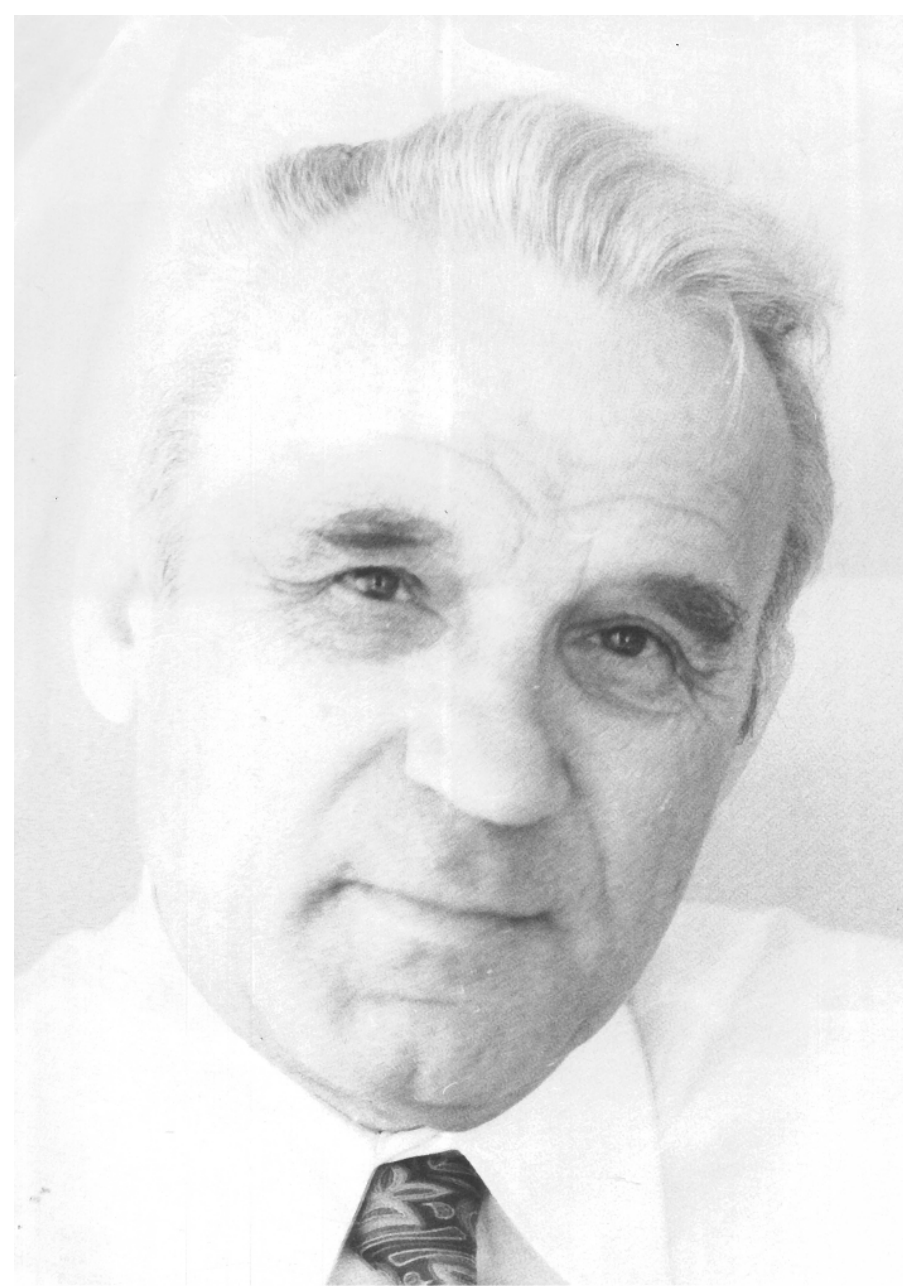
ного ответа Шестинскому типографские машины без промедления напечатали тираж книги «Сад».

В 1979 году Дмитрий Терентьевич стал Главным редактором журнала «Нева». Мы все как будто враз осиротели, заскучали. Да и как могло быть иначе? На место живого, в любой момент доступного, добросердечного человека был назначен «застегнутый на все пуговицы» Леонид Плющиков, работавший до этого заместителем заведующего отделом агитации и пропаганды ОК КПСС.

Освоившись на новом месте, Д. Т. предложил мне в журнале место члена редколлегии, заведующего отделом поэзии. Я же, книжник с пятнадцатилетним стажем, никак не мог решиться сделать шаг в новую жизнь. Тогда Д. Т. стал действовать через мою жену: «Ну что он кочевряжится, скажи, Диночка, этому дураку, что у меня ему будет лучше, и зарплата весомее, и почета больше, и ходить на работу не надо строго по расписанию, как в Лениздате». Вместе они меня убедили, и в декабре 1980-го я пришел в «Неву».

Довольно скоро я почувствовал себя «в своей тарелке». По-прежнему с Д. Т. работать было легко. Немногочисленное по сравнению с Лениздатом журнальное «население» души не чаяло в новом Главном. Все здесь хорошо помнили его жестких предшественников. Доброжелательность, честность и открытость Д. Т. стало и в журнале служить для всех примером.

Запомнился такой случай. Замечательный ленинградский прозаик Радий Погодин внезапно тяжело заболел. Врачи диагностировали онкологию. Узнав об этом, Д. Т. позвонил писателю и в разговоре с ним узнал, что в «Неве» уже давно лежит рукопись его новой повести без какого-либо движения. На ближайшей летучке Д. Т. попросил заведующего отделом прозы Константина Курбатова прояснить ситуацию. Тот сбивчиво пытался оправдаться, хотя явная проволочка и недопустимое неуважение к автору были налицо. Оправдания приняты не были. Ни до, ни после этого я не видел Дмитрия Терентьевича таким рассерженным. Курбатов прилюдно получил по полной программе. Оказалось, в секции детской литературы Союза писателей произошел конфликт, расколовший единые ряды. На одной стороне оказался Радий Петрович,



Д. Т., середина 60-х.

на другой – Константин Иванович. Так вот, Курбатов не нашел ничего лучшего, как воспользоваться своим служебным положением в «Неве»: он положил «под сукно» талантливое произведение противника.

Повесть Радия Погодина «Дверь» была опубликована незамедлительно. К счастью, сам автор сумел тогда выкарабкаться из страшной болезни и еще не раз радовал читателей своими произведениями, пока болезнь окончательно не вцепилась в него...

Постоянно внимателен был наш Главный к своим подчиненным. «Если человеку нужна помощь, обязательно надо ему помочь», – не раз говорил он. К примеру, дом на Полтавской улице, где жил с семьей редактор отдела прозы Самуил Лурье, шел на капитальный ремонт и семью отселяли на далекую окраину. Дмитрий Терентьевич сделал, казалось, невозможное: Лурье предоставили равноценную квартиру буквально в соседнем доме, а через некоторое время в ней появился телефон. Д. Т. высоко ценил Лурье как опытного редактора,

спасал от неприятностей. Однажды Лурье прокололся серьезнейшим образом. В кабинете у ответственного секретаря он без спросу взял бланк журнала и напечатал на нем адресованную Директору Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина просьбу разрешить своему знакомому поработать в спецхране. По наивности он и предположить не мог, что спецхран соответственно оберегают специальные люди. Конечно, они быстро установили конкретного виновника. При мне в кабинете Главного раздался телефонный звонок.

Обычно, когда Д. Т. был особенно взволнован, он разговаривал стоя, переминаясь с ноги на ногу. Вот и сейчас он стоял около своего кресла и долго слушал собеседника. Наконец сдержанно, но твердо произнес: «Нет, Лурье я тебе не отдам, – и снова: – Не отдам. Можешь на меня писать телегу». И повесил трубку.

На мой немой вопрос Д. Т. хмуро и коротко сказал: «Это генерал Блеер, зам. начальника КГБ, еще с войны мой знакомец».

На собраниях мы Лурье осудили: надо же было официально реагировать. Главное – он остался работать в «Неве».

Журнал испытывал постоянное давление со стороны драконовской цензуры и Смольного. Почти из каждого номера перед отправкой в типографию изымались самые разные произведения. Нарушался издательский цикл, а это значит, что коллектив лишался вождя премии. Делалось это явно для того, чтобы настроить нас против своего Главного. Не год и не два, а уже давно партийные чиновники хотели избавиться от непослушного, непредсказуемого Хренкова. Он всё прекрасно понимал, сам устал от их руководящей опеки и ждал своего часа.

Час этот наступил. Когда ему стало совсем невмоготу, он ушел. Золотой век журнала закончился, как закончился когда-то после его ухода золотой век Лениздата.

Мы с ним встречались уже, конечно, редко. Чаще в Доме Журналиста, иногда в «Неве». Он специально приезжал повидаться со мной, поговорить, посоветоваться. Как-то даже приехал с женой Татьяной Аркадьевной. Им не под силу было подняться по ступеням винтовой лестницы в мой кабинет, и мы долго сидели и беседовали на кожаном диване в коридоре. В кабинет к новому Главному редактору Борису Никольскому он не заходил никогда.

После смерти жены Д. Т. сразу как-то сдал, взгляд потух, походка стала неуверенной. Стал он чаще прикладываться к бутылочке. Как-то он приехал ко мне и сказал, что Татьяна Аркадьевна всегда меня любила и надо бы нам помянуть ее. В соседней с журналом кафешке мы сели за столик, я заказал для него лишь 50, а для себя 150 грамм водки. Посетителей было мало, и мы хорошо посидели за душевным разговором.

Его дочь Юля, давно живущая в Японии, увезла его к себе, но он вскоре вернулся. Я был обрадован появлением Д. Т. в «Неве». Не сговариваясь, снова заняли столик в кафешке. В разговоре он попросил у меня совета, стоит ли принимать предложение дочери навсегда поселиться у нее.

Я сказал, что резон в этом безусловно есть: здесь он один и не больно-то ухожен, а там – родная дочь и уже взрослый внук Андрей.

«Ох, не знаю, не знаю. Там все вроде хорошо, во всем порядок, в магазинах есть все, что хочешь, люди спокойные, улыбаются. Но, понимаешь, всё там заточено на... эксплуатации», – вдруг выпалил он.

Я аж поперхнулся:

«Ну, конечно, японцы так и ждут, когда придет Хренков, чтобы как следует его эксплуатировать!»

Поняв, что сказанул нечто запредельное, Д. Т. хлопнул себя пятерней по лбу и громко захохотал. Хохотали мы оба, привлекая внимание любителей выпивки.

...Давно, еще в 2002-м году, ушел из жизни мой дорогой старший товарищ. Настоящий верный друг. Его последнее пристанище на писательском кладбище в поселке Комарово.

